

П. Неслухов

ЧЕРНОВИКИ К ВВЕДЕНСКОМУ

Александр Иванович Введенский родился 6 декабря 1904 года в Петербурге, в семье служащего. Стихи начал писать еще в гимназии; в 1921 году поступил в Петроградский университет на факультет общественных наук, но проучился недолго.

В середине 20-х годов выступал на вечерах поэтов-заукиников, возглавляемых А.Туфановым, где познакомился с Д.Хармсом. Вместе с Хармсом и Заболоцким в 1928 году организовал "Объединение реального искусства" (ОБЕРИУ), в которое, кроме них, вошли Д.Левин, К.Вагинов, Ю.Владимиров и И.Бахтерев. Тесные отношения с обериутами поддерживали Н.Слейников, Е.Шварц, Л.Липавский, а также художники К.Малевич и П.Филонов.

При жизни Введенского было опубликовано лишь два его стихотворения, не считая детских книжек, которые он издавал, сотрудничая в журналах "Еж" и "Чиж". В 30-х годах ОБЕРИУ существовало только в качестве частного кружка, а в 1935 году окончательно распалось.

С 1936 по 1941 год Введенский жил в Харькове. Погиб в 1941 году.

ЧЕРНОВИКИ К ВВЕДЕНСКОМУ

(Фрагменты из статьи "Проблема
времени в поэзии позднего
А. Введенского")

Я понять тебя хочу -
В твою дудку грохочу.

Вопрос о том, как лучше изучать стихотворения Введенского - независимо от его биографии или с привлечением дополнительных материалов в виде дневников, писем, воспоминаний современников - мгновенно отпадает по причине полного отсутствия таких материалов. Все, что практически имеется - это полтора десятка разрозненных стихотворений, явно не подготовленных поэтом к печати, нередко без указания года написания и с ошибками переписчиков, и небольшая философская "Серая тетрадь". Такое положение вещей само собой обусловило метод исследования: текст, только текст.

Однако текст - водоворот: в зависимости от положения читателя, он то втягивает в вихрь-сердцевину поэзии Введенского, то отбрасывает в неожиданные струи и перекаты: Гераклит, Ветхий Завет, Шпенглер, Филонов... Где здесь центр и где периферия? Кто вокруг кого вращается? Человек вокруг смерти или смерть вокруг человека?

ЧЕРНОВИК ПЕРВЫЙ

ЗАКАТ ЕВРОПЫ.

С некоторых пор в Петербурге все были заражены шпенглериаством. Поверил в гибель Запада и поэт Троицын.

(К. Вагинов. Козлиная песнь)

Первое решение искать законов времени явилось на другой день после Цусимы... Я хотел найти оправдание смертям.

(В. Хлебников. Доски судьбы)

Греческий мир — это "космос", по изначальному смыслу слова такой "наряд", который есть "ряд" и "порядок"; иначе говоря, законообразная и симметричная пространственная структура. Древнееврейский мир — это "олам", по изначальному смыслу слова "век", иначе говоря, поток времени, несущий в себе все вещи.

(С. Аверинцев)

Трудно сейчас представить тот интеллектуальный фуррор и то эмоциональное напряжение, с которыми была встречена в 20-х годах книга О. Шпенглера "Закат Европы". Понятно, однако, что реакция на книгу (равно как и ее понимание) не была однозначной и зависела, в частности, от того, насколько "западной" считал Россию тот или иной читатель, и в какой плоскости он истолковывал происшедшие с Россией социально-политические перемены. Глубоко ли Россия пропиталась "обреченным на гибель" западным миропониманием? Возможен ли для нее вариант незападного (то есть не-античного и не-фаустовского) мировоз-

зрения? На каких путях осуществима разработка такого мировоззрения? Один из них представляется очевидным: неприятие европейского рационализма – и более широко: пространственного видения мира – и возврат к мифологическим и "досократическим" (по Ницше) воззрениям.

НАЗАД К ГЕРАКЛИТУ!

Всякий человек, который хоть сколько-нибудь не понял времени, а только не понявший хотя бы немного понял его, должен перестать понимать и все существующее.

(А. Введенский. Серая тетрадь)

Однажды Петрашевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрашевского и положил обратно на стул. "Что скажешь, брат Пушкин?" – спросил Петрашевский. "Стоп машина", – сказал Пушкин.

(Д. Хармс. Анекдоты о Пушкине)

На античной почве идея метаморфозы проделала очень сложный и разветвленный путь развития. Одно из разветвлений этого пути – греческая философия, где идее превращения (Гераклит) принадлежит громадная роль.

(М. Бахтин)

В 1904 году, когда родился Введенский, его старший современник Шпенглер защитил диссертацию о Гераклите: факт примечательный и не единственный, среди указующих на духовное родство этих трех ^{мыслителей} людей. Родство – не обязательно заимствование; тем более трудно говорить о заимствовании, когда речь идет о поэте, творившем "помимо чтения" и "над эрудицией".

Неизвестно, входили Гераклит и Шпенглер (равно как и Бергсон, экзистенциалисты или хасиды) в круг чтения Введенского или нет, но это не мешает воспользоваться ими в качестве проводников в его поэтический мир. Увлекательнее всего было бы предположить, что поэт вообще ничего не читал и ничего не знал, но это предположение отпадает, если вспомнить тот интеллектуальный кружок, который собрался вокруг ОБЕРИУ и соприкасался через Вагинова с гумилевской тенью, а через Слейникова и Липавского — с самыми последними книжными и культурными новинками.

Впрочем, можно с уверенностью утверждать, что отнюдь не чтение столкнуло Введенского с такими фундаментальными проблемами, как время и смерть, и не оно открыло поэту путь к их глубокому религиозному прочувствованию. Независимо от того, когда и как это произошло, время (и связанная с ним смерть) стало основной духовной и поэтической темой Введенского. С постоянством маньяка возвращается он к ней в своих стихотворениях: живет в ней, обитает во времени и смерти, говорит о них со знанием и непреложностью человека, пережившего их во всей полноте и реальности. Мертвец — неременный персонаж его стихотворений.

ВРЕМЯ И МИР.

Время — в отличие от пространства — имеет органический характер.

Пространство — это понятие.

Время — это слово, которое намеком обозначает нечто непостижимое.

(О. Шпенглер. Закат Европы)

Впрочем когда следишь за временем, то кажется,
что все бежит.

(А. Введенский. Четыре описания)

На входящего в одну и ту же реку текут все
новые и новые воды.

(Гераклит).

Сказать о Введенском, что он пристально вглядывался во
время, или что время составляло объект его размышлений, зна-
чит сказать не все и, более того, сказать не то. Подобно Хай-
деггеру, он рассматривал временность, конечность существова-
ния человека в качестве основной характеристики самого бытия,
резко противопоставляя свой подход традиционному, который
полагал чистое бытие вневременным. Его глубоко не устраи-
вали привычные концепции времени и он последовательно изгонял
их из своей поэзии. Даже небо, дабы не вводило в соблазн
своим "хронометрическим видом" он очистил от Солнца и Луны:
его мир - это полет ласточки, пучина моря, беззвездное небо,
с которого срывается и тут же гаснет метеорит.

ПУСТОЕ НЕБО.

Стал небосклон пустым и чистым как небосвод.

Не небосклон ли ты жалеешь,
когда на нем как планета аleeшь,
заменяя собой звезду,
упавшую сию минуту
в рошу.

(А. Введенский. Сутки)

Вся ближневосточная мысль в своих предельных достижениях не философия, ибо предмет этой мысли не "бытие", а жизнь, не "сущность", а существование, и оперирует она не "категориями", а нерасчлененными символами человеческого самоощущения — в мире, всем своим складом исключая техническо-методическую "правильность" собственно философии.

(С. Аверинцев)

Для фальсификации времени при помощи измерения существует, по меньшей мере, две возможности: периодическое обращение светил в небе и равномерный шаг на земле. И с тем и с другим Введенский радикально расправляется: он покидает землю с ее шагами и следами, а опустошенное небо заселяет внезапными метеоритами и прихотливыми птицами. Их вольный, непредсказуемый полет кажется поэту более причастным к подлинному времени: в нескольких стихотворениях птицы (а вместе с ними — небо) оказываются главными героями. Так в поэзию Введенского вводится стихия воздуха. Одновременно поэт погружается в пучину моря, где не видно звёзд и обитатели которого не оставляют следов: так в его поэзии появляется стихия воды.

МОРЕ ФАЛЕСА, НЕБО АНАКСИМЕНА

Психеям смерть — стать водою; воде же смерть — стать землей; из земли вода рождается, а из воды — психея.

(Гераклит)

Недая сообщить всем людям,
зверям, животным и народу
о нашей смерти, птичьим голосом
мы разговаривать сегодня будем

(А. Введенский. Четыре описания)

Все живое таит в себе — я могу выразить это только тавтологией — "жизнь": направление, устремление, волю, глубочайше связанную с душевным порывом подвижность, которая решительно ничего общего не имеет с "движением" физиков.

(О. Шпенглер. Закат Европы)

Люди, разработавшие на неподвижной и твердой земле технику всё измерения, перенесли эту технику с пространства на время; но ни в воздухе, ни в воде им не развесить "мерных крючьев", "у птиц не существует локти" (локоть — мера длины!), и потому: "кем их секунды мерены?" Вода Фалеса, воздух Анаксимена — до поры, до времени — сопротивляются людским пред-рассудкам; уже одним этим они предпочтительнее земли. Механическому времени здесь не дозволено развернуться; время остается личным, внутренне сопричастным обитателям этих стихий.

Неизвестно, в каком порядке Введенский исследовал стихии, и существовал ли вообще этот порядок. Условно можно принять гераклитов круг: земля — вода — воздух — огонь — земля, но это не обязательно.

ИВАН ИЛЬИЧ.

Один для меня — десять тысяч, если он — наилучший.

(Гераклит)

Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная.

"А смерть? Где она?"

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

(Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича)

Еще одна причина отхода от стихии земли заключается в резкой антипатии к социальному миру, которую разделяли с Введенским остальные обериуты (романы Вагинова, "Случай" Хармса, "Столбцы" Заболоцкого).

Социальная плоскость, современность, злободневность были равно чужды обериутам: ранний Заболоцкий, например, изображает в "Столбцах" толпу обывателей с неприязнью, переходящей в глумление. Если один из обертонов неприязни Заболоцкого (ненависть провинциала к шумному, грязному, безнравственному городу и одновременно интерес к нему) угрожал перейти в садистскую зависимость, то Введенский гораздо быстрее и благополучнее развязал свои отношения с обществом, хотя и продолжал вводить в свои стихотворения социальные персонажи. Но эти персонажи уже не шельмуются им, не высмеиваются — каждый из них несет в себе известную поэту боль жизни и задает знакомые вопросы к смерти.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было, и хребта не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было. Так что не понятно, о ком идет речь. Уж лучше больше о нем не будем говорить.

(Д. Хармс. Голубая тетрадь № 10)

Будем думать в ясный день
 сев на камень и на пенъ.
 Нас кругом росли цветы,
 звезды, люди и дома.
 С гор высоких и крутых
 быстро падала вода.
 Мы сидели в этот миг,
 мы смотрели все на них.

(А. Введенский. Приглашение меня подумать)

Поэтика Библии — это поэтика притчи, исключаящая пластичность: природа и вещи должны упоминаться лишь по ходу действия и по связи со смыслом действия, никогда не становясь объектами самоцельного описания, выражающего незаинтересованную радость глаз; люди же предстают не как объекты художнического наблюдения, но как субъекты выбора и действия.

(С. Аверинцев)

Введенский до живого ужаса боится (чем напоминает героя Достоевского) той деятельностью чужого и собственного разума, которая занимается определением, овеществлением и "овнештвением" человека. Стремясь избежать нового определения, он затрачивает на это колоссальную энергию, бежит, изворачивается, скрывается... и вот парадокс безумного бега! — начинает бегать по кругу. Протестуя против цикличности, он создает собственную систему повторений; отказываясь от скучного и утомительного мира, попадает в тесный, аскетический мир, для каждого шага в котором требуется талант и изобретательность виртуоза. В рифме, в образах, в символах, в музыке Введенский балансирует на грани банальности — и удивительнейшим образом в банальность не впадает!

Могучая духовная энергия поэта позволяет ему безбоязненно надеть лобу, самую затасканную одежду. Напротив, "красивый убор", "оригинальная рифма" — явно не к лицу бедняку, который не любит прилагательных. Но на что же, помимо "убегания" и "балансирования", расходуется его поэтическая энергия? Хотя бы на это: "Фомин лежащий посинел — и двухоконной рукой — молиться начал" (Священный полет цветов).

ЖИВОЙ МИР.

Тема этого события —
Бог посетивший предметы.

(А. Введенский. Священный полет цветов)

Все сущее живет... Лампа ходит, стены говорят, даже у горшка есть своя страна, пater, жена, дети. Шкуры, лежащие в мешках, разговаривают по ночам. Рога на могилах ходят обозом вокруг могилы, и сами покойники встают и приходят к живым.

(Чукотский маман Копавце)

Холмы в библейских псалмах непременно "скачут как агнцы", горы "тают как воск", море "убегает", Иордан "течет вспять", небеса "приклоняются" к земле, и над всем господствуют образы мрака и пламени. Мир дан в состоянии катастрофы и чуда, выводящих вещи из тождества себе; вместо ясного света, выявляющего очертания, господствует тьма, скрывающая очертания, и огонь, в котором каждая вещь должна сгореть или расплавиться, чтобы обновиться.

(С. Аверинцев)

Введенский радикально отказывается от европейского понимания времени как пространства и отирается на поиски "истинного времени". Новое понимание, а точнее ощущение времени, которое он при этом достигает, перекликается с древнееврейским религиозным мирозерцанием. Время Введенского (как и время псалмов) - время катастроф, чудес и превращений. В нем нет и не может быть повторений: оно внезапно, опасно, свежо, оно динамично, оно - живое существо.

Пересматривая взаимоотношения времени с пространством, Введенский настаивает на первичности времени, в результате чего оживление времени естественным образом приводит к оживлению обитавших в нем существ и предметов.

ПЛАМЯ ПРЕДМЕТЫ.

Солнце померкло,
 Земля тонет в море,
 срываются с неба
 светлые звезды,
 пламя бунует
 питателя жизни,
 жар нестерпимый
 до неба доходит.

(Старшая Эдда. Прорицание вёльвы)

И явился ему Ангел Господен в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает.

(Исход, гл. 3:2)

Все останавливается.
 Все пылает.
 Мир накаляется Богом.
 Что нам теперь делать?

(А. Введенский. Священный полет цветов)

Как известно, Гераклит рассматривал в качестве первоэлемента огонь, который, вспыхивая и потухая, периодически охватывает весь мир. Мысль Введенского, подобно мысли Гераклита, вращается вокруг концепции непрерывного изменения, парадоксально замыкающегося в круговорот стихий, причем стихия огня соотносится поэтом с эсхатологическим концом мира, с концом истории, с посещением мира Богом. Огненный конец фактически оказывается началом, возрождением для нового бытия, причем Введенский не отодвигает Божественное посещение на отдаленные сроки, а исходит из персонального времени, из личной открытости человека Богу и его способности видеть Божественное в мире.

ЧЕЛОВЕК И СМЕРТЬ

Смерть меня поколебала,
Я на землю упаду,
под землей гулять пойду.

(А. Введенский. Мир)

Все равно жива наука
я хрипя проговорю
и себе на смену внука
в виде лампы сотворю
будет внук стоять сиять
сочинения писать

(А. Введенский. Франц и смерть)

Какая может быть другая тема,
чем смерти вечная система?

) (А. Введенский. Священный полет цветов)

Оставаясь наедине со смертью, Введенский не пытается

прибегнуть к помощи или посредничеству общества и высмеивает идею такой помощи, как неправомерную. Характерна ирония, с которой он относится к "бессмертию через потомков": оставаясь в горизонте проблем личного бессмертия, он усматривает в таком "бессмертии" не решение проблем, а уловку, бегство от решения. Поэту необходима вера в личное бессмертие; а, если ее нет - такое переживание времени, которое каким-то образом соотносится с переживанием личного бессмертия.

МОРЕ

О море море
 большая родина моя
 сказала ночь и зашита
 как бедный детский человек

(А. Введенский. Две птички, горе, лев и ночь)

Карнавал - это жизнь, выведенная из своей обычной колеи, в какой-то мере "жизнь наизнанку", "мир наоборот". Законы, запреты и ограничения, определявшие строй и порядок обычной жизни, на время карнавала отменяются: и в первую очередь иерархический строй и все связанные с ними формы этикета.

(М. Бахтин)

И в море также мало смысла
 оно покорно тем же числам

(А. Введенский. Кончина моря)

Время у Введенского спрессовано в огонь, мир сгущен в море, но не до положения пространственной неподвижности, в

котором невозможно пошевелинуться, а до состояния внезапного освобождения, когда срываются все временные и пространственные перегородки, когда все вливается во все, все находится рядом со всем, когда все существа, стихии и предметы обращаются друг к другу с "последними вопросами". Это своеобразный космический карнавал: отказавшись от пространственно-временного порядка в своем мире, поэт неожиданно обнаруживает его смысловую упорядоченность.

Поэтические реформы, предпринятые Введенским, не были дешевым средством эпатажа: — вызванные к жизни серьезными духовными потребностями, они привели к высоким поэтическим результатам.

ЗВЕРИ, ПТИЦЫ И КУСТЫ.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

(Н. Заболоцкий. Я не ищу гармонии в природе)

подойди Бог и спроси лису —
что, лиса, от утра до вечера далёко?
от слова разумеется до слова цветок
большое ли расстояние пробегит поток?
Ответит лиса на вопросы Бога:
это все исчезающая дорога.

(А. Введенский. Приглашение меня подумать)

Природа в поэзии Введенского не натуралистична, как, скажем, у Заболоцкого, а мифологична. Заболоцкий, восприняв идеи Н. Федорова в переложении Циолковского, не знает иного способа

возвысить природу, кроме ее подчинения организующему и уничтожающему диктату человеческого общества; в противном случае природа — хищна и безумна. Введенский, игнорируя разум, власть и общество, рассматривает свои личные проблемы в неразрывной связи и единстве с природой. Время, смерть, Бог появляются перед ним в образах то одних, то других природных существ и явлений. Птица — это птица, но она же — время; природе есть чему поучить чутко вслушивавшегося в нее человека: сквозь мифологию природы просвечивает человек с кругом своих наиболее важных вопросов.

АНТИХЛЕБНИКОВ.

Как-то радостно думалось, что по существу нет времени, ни пространства, а есть два разных счета, два ската одной крыши, два пути к одному зданию чисел.

(В. Хлебников. Доски судьбы)

Миром правит число.

(Пифагор)

Многознание не научает быть умным, иначе бы оно научило Пифагора.

(Гераклит)

Трудно представить двух людей, более противоположных, чем Хлебников и Введенский. Их можно противопоставить в самых разных плоскостях: мессия — молчаливик, объективист — персоналист, учитель — собеседник и т.д., но достаточно остановиться на важнейшей для обоих проблеме времени, чтобы убедиться в их

полной несовместимости.

Впитав вместе с университетским образованием научно-пространственную концепцию времени, Хлебников задался целью открыть его законы, чему и посвятил большую часть своей жизни. Время лежало перед ним, говоря словами Введенского, "как убитый олень", как дорога, по которой можно ходить взад и вперед, измеряя расстояния между историческими и астрономическими событиями и переводя их в простые арифметические формулы. Наивное пифагорейство Хлебникова было понятно (лучше сказать: слишком понятно) Введенскому и не могло расцениваться им иначе, как сознательный самообман души.

Однако поэзия Хлебникова, и особенно его разыскания в области корней русского языка, не могли не вызвать восхищения у чуткого Введенского. Как известно, при основании ОБЕРИУ Хлебников и Филонов были приняты в его почетные члены.

СМЕРТЬ ПОЭТА

он нас принимал за минуты
потертый помятый погнутый
скитающийся без ума
как ледяная зима

(А. Введенский. Прощанье)

Пророк отнюдь не имеет претензий "создать" некий шедевр на века, но зато желает быть по-человечески услышанным, и притом незамедлительно. Потому его слово — принципиально неавторское слово, брошенное на волю потока, предоставленное всем превратностям непрекращающегося разговора. В разговоре неважно, кто сказал слово: у любого творца много соавторов.

(С. Аверинцев)

Правильно поступили бы эфесцы, если бы все повесили друг друга и оставили город для детей, — они, изгнавшие Гермодора, мужа наилучшего среди них, со словами: "Да не будет лучшего среди нас!"

(Гераклит)

Поэт погиб в 1941 году. О месте и подробностях его смерти точно не известно.

ЧЕРНОВИК ВТОРОЙ

Ранние стихи Введенский лепит, как лепится, без заботы, но с задором; сразу вспоминаются его стихи для детей, которые он писал ради заработка. В ранней поэзии — игра, бессмысленные прыжки, вмерты, веселое плутовство, "слон в посудной лавке". В 30-е годы, напротив, стихи серьезны, грустны, полны глубокого смысла...

Он старательно избегает всякого намека на отвлеченность; его поэтический словарь резко расходится со словарем символистов: никаких неопределенностей, никаких "кто-то", никаких слов на "-ость"! — и вместе с тем зыбкость мира прочувствована и передана с такой несомненностью, какая символистам и не снилась. Для Введенского эфемерность мира очевидна и потому не акцентируется; она — на дне, в основе — не трепыхается, не трещит, как у символистов.

Сколько существительных; а прилагательных — почти ни одного! Нет такого мощного "форсажа" глаголов, как у Пастернака, но вместе с тем — какая динамичность, точнее сказать — какая энергичность! Его движение несуетливое, бесшумное (молния есть, грома не слышно), движение не на земле; а когда на земле — не снижается до земного уровня.

Редко или совсем не встречаются: солнце, луна, ветер, гром, свет, зеркало, дети, еда (дополнить список!). Слова, которые сознательно изгоняются из словаря, не менее важны

для понимания поэзии, чем имеющиеся.

Чем ближе к смерти, тем скуднее словарь. В поздней поэзии слова из ранних стихотворений ("тиф", "дрова", "галера", "анис", "бумажка") показались бы чудовищами. Величайший страх перед синонимами и вариантами - скорее уничтожить! Сохранилась "статуя" (монумент, скульптура - погибли), из деревьев выжили "сосна" и "дуб", из дней недели - "четверг" и т.д. А как много "пушкинских" слов: море, дубы, царь, деревья, леса, дом, толпа, река, песок, рука, львы, пустыня, рифма, песня, подруга...

Введенский - загнанный волк среди сжимающегося круга красных флажков. Определив себе труднейшую программу неуловимости, решив стать "как время", он - какой парадокс! - ярый противник повторений, возвращается на круги повторений (неважно, что "на другом уровне"). Что означает это возвращение?

У раннего Введенского хорошо заметно: кладет кирпич и, прежде чем положить другой, ломает первый. Страсть к разрушению - на всех уровнях - по отношению к слову, к смыслу, к знакам препинания, к авторитетам.

У позднего - глубокий смысл и виртуозная неожиданность, достигаемая малыми средствами: никакой экзотики, никакого оригинальничанья, внезапное и пронизывающе точное соединение самых простых слов в самые неожиданные конструкции.

Его мир — море, дуб, барсук, лиса и т.д. — гораздо эмблематичнее, чем кажется на первый взгляд. Это мир "единственных предметов": в нем один лес, один дом, одна комната, одно море, одна лиса... Поэт постоянно отбрасывает все, что связано с множественностью и повторяемостью, зато каждая оставшаяся вещь оказывается уникальной и уже в силу этого — геральдической. Она не реальна и не эмпирична: "платоновская идея" в "гераклитовом мире". Есть, впрочем, исключения (деревья, листья).

Взыская сущность, Введенский опирается, в основном, на существительные, да и те просты — без приставок, без суффиксов. Если читать стихотворения отдельными строчками, кажется, что сообщаемое очевидно: "нас кругом росли цветы" и т.д. — но это ощущение обманчиво, и всякий раз снимается последующей строкой. Каждая строка уничтожает ложную очевидность предыдущей; стихотворения действительно живут, текут, оплывают — соотносясь таким образом с гераклитовым потоком. Среди прочего, им противопоставлено четкое разбиение на части и строфы, однако к концу жизни Введенского "строфичность" все-таки появляется.

Корневую рифму, заимствованную у футуристов, он использует очень осторожно и скупо. Подобная осторожность — а он был азартным игроком! — распространяется в первую очередь на отношения с людьми (ведь могут использовать, определить, сделать зависимым, уличить в подражании). Но когда остаешься

наедине с судьбой или случаем - тогда другое дело: азарт! игра!

"Прощание" написано в предчувствии близкой смерти (37 лет, как и положено) и является своеобразным завещанием; вместе с тем - это палимпсест, сквозь внешние буквы которого просвечивают пушкинские строки. Бутовство или серьезность? Например, последняя строка "Ах Пушкин, Пушкин" - она даже интонационно колеблется: то ирония, то грусть. Что это: тоска по отсутствующему центру ("светило русской поэзии") или беззлобное над ним посмеивание?

Для психиатра Введенский - поразительный образец соединения "параноика" и "шизофреника", отверделости и текучести. Вот два (не лучших) примера: "а воздух море подметал -- как будто море есть металл" (Цветок, море и коршун); "вылетает ангел темный -- из пучины из гнезда" (Кончина моря). Граница между морем и небом оказывается попеременно (или одновременно?) то непреодолимой, то легко пронизываемой: то море - продолжение неба, и граница между ними иллюзорна, плод людского заблуждения, то море замкнуто и настолько отграничено от неба, что его поверхность становится твердой, металлической.

Противник классической, аристотелевской логики, Введенский не упускает случая пройтись по ее поводу, поиронизировать, вывернуть наизнанку. Особенно достается "тождественному силлогизму": "если я и родился -- то я тоже родился -- если

я и голова — то я тоже голова" с неожиданным "катарсическим" исходом: "если ты как день блестяшь — как ромашка улетишь" (Пять или шесть). Издевательства над традиционной логикой и надстроенным над ней "здравым смыслом" перекликаются, между прочим, с ранними пьесами Э.Ионеско (особенно "Лысая певица"!); Интересная тема: драматургия обернутов и абсурдистов (Ионеско, Беккет, Адамов); бунт против языковых, логических, идеологических норм и клише и т.д.

Со своим "черным зверем" — часами — Введенский расправляется по-разному: то счищает цифры с циферблата, то обрывает стрелки, то придумывает циферблат, где каждый час называется по-особому (и не только в пределах суток!), то вообще отказывается от числового изображения времени, то заставляет один и тот же час парить над временем ("Скажем, что у нас седьмой час и пусть он тянется"), то размалывает время на точки и отпускает летать, "радуя жуков". Такая изобретательность лишний раз доказывает особое значение времени для Введенского, а также неудовлетворенность поэта своими решениями проблемы времени.

Часы (и числа) приобретают у него качественный характер, их изменение чудесно (полет, метаморфоза); мир тоже чудесен, но как-то грустно чудесен. За этим миром угадывается не столько реальность, сколько поэтическая декларация. В таком случае остается одно: уповать, что в конце концов все действительно чудесным образом изменится? "Бог, Бог! где же ты?"

При всем отличии поэзии обериутов от поэзии символистов - обериуты превосходят символистов по "символичности" (если вообще допустимо говорить о степенях символики) и "мифологичности" - хотя их символика не столь легко узнаваема, не столь абстрактно-претенциозна и "начитана", как у символистов. В программном манифесте 1928 года обериуты утверждали, что слово интересует их "как вещь", но именно это позволило Введенскому в 30-х годах выйти на мифологию. Символисты, как и ученые, книжные, ^{уши,} насквозь пропитанные соловьевством, неокантианством, ницшеанством, вагнерианством и т.п., нередко портили свою поэзию предзаданностью, предзнанием того, чего хотели добиться; обериуты больше полагались на интуицию, чем на книжное знание, и двигались в поэзии "затылком вперед", лишь смутно догадываясь, куда направляются.

Борьба с окостеневшим языком - одна из главных задач поэзии нового времени; усилия обериутов в этом отношении (после Хлебникова) наиболее радикальны. Усвоив уроки футуристов и заумников, обериуты не остановились и двинулись дальше: от ревизии звука и слова - к ревизии смысла и мифологии.

Просветление, одухотворение, обожжение природы - обычная тема русских религиозных писателей. У Введенского природа скорее воспламеняется, чем просветляется: поэт - в результате своих мытарств по мирам и стихиям - получает дар видения пламенной природы, возмеченной Богом. Здесь тесно переплетаются три линии: Божий мир, конец света и поэт-пророк, обретший дар видения Божьего мира и предвидящий его конец.

В поэзии у него практически отсутствует "герой", который, пройдя через ряд жизненных и духовных метаморфоз, приобрел бы к правильному пониманию мира. Вместо этого метаморфозы происходят с самой природой, а люди выступают то в качестве объектов критики, то как вопрошатели. Однако трудно найти более "персоналистского" автора: все творчество Введенского сфокусировано на проблеме человеческого существования.

Введенский редко выводит на поверхность, а еще реже формулирует в точных понятиях свою религиозно-философскую проблематику; он погружает ее внутрь стихов — в их строй, в словоупотребления, даже в знаки препинания. Единственное исключение — "Серая тетрадь", своеобразный авторский комментарий к поэзии.

Можно ли назвать поэзию Введенского "философской"? Не точнее ли: религиозная?

Он различает несколько уровней отношения ко времени: "понимание" (т.е. традиционное истолкование времени как пространственного тела), непонимание (отказ от традиционного истолкования, бунт), поверхностное понимание (приближение к адекватному постижению времени) и, наконец, Понимание (полное вхождение во время). Эти же уровни прослеживаются в отношении человека к смерти и Богу. Не исключено, что Понимание вообще недостижимо, или что достигший Его не возвращается назад; но то, что поэт возвращается в сфере "непонимания" и "поверхностного понимания" времени (смерти, Бога) уже является значительным духовным событием и провоцирует его на "благо-

вестование".

Помимо объективного счета времени "шагами" и "по звездам", Европа создала "хронометр", распространение которого способствовало закреплению концепции "объективного времени" в массовом сознании, а также - чего нельзя отрицать - становлению европейского разума и науки. Это "недолжное" изобретение хронометра Введенский ставит в вину "германскому гению" (Франц и смерть), связавшему в единый фаустов узел пространство, познание и власть.

В своей критике "механического времени" Введенский неутомим и удивительно проицателен: повсюду он замечает его следы и, словно старательная домохозяйка, выметает их из своего мышления и поэзии. Таковы, в частности, его рассуждения в "Серой тетради" о вещах, о глаголах, о зверях, о точках времени, о тюрьме, о последней минуте перед смертью и т.п.

С большой выразительностью и эмоциональной приподнятостью поэт протестует против регулярности и повторяемости событий. Даже эротика, взятая как часть традиционной регулярности, приобретает мертвящие черты (Куприянов и Наташа), и не способна сама по себе осуществить прорыв к "мерцающему миру", который всегда нов, свеж и чудесен; здесь не обойтись без активной деятельности сознания и интуиции - (конечном счете без обращения к Богу.

Введенский — великий мастер описывать обыденные события так, что они превращаются в невероятные происшествия. Очевидность не тормозит его воображение, а скорее подхлестывает, оказываясь теми самыми "мехами старыми", в которые успешно вливается новое вино поэзии.

Словно канатоходец под куполом цирка, легко и непринужденно удерживает поэт равновесие, но сколько за этой легкостью умения, артистичности, виртуозности, сколько риска и страха!

Человеку, которому надо описать внезапно возникший перед ним чудесный мир, самые редкие и экзотические слова могут показаться столь же бесполезными, как всякие другие. И если ему "совсем некогда", он ухватит самые простые. Или вообще промолчит.

Введенский говорит о таком состоянии мира, где никакой предмет (тем более живое существо) невозможно исчерпать рациональным и даже поэтическим анализом, где каждый предмет содержит в себе гораздо больше самого себя, и являет собой лишь форму, с трудом удерживающую вложенные в нее энергетические, смысловые и витальные возможности; назвать такой предмет не удастся, поскольку он вырывается за пределы любого времени, любого определения, любой формулы... Не поверхностный взгляд предметов в обычном мире "спят", но именно поверхностный взгляд виноват в том, что они "спят"; поэт берется разбудить предметы — раскрыть их или хотя бы указать на ту пропасть возможностей, которые в них таятся. И он говорит: "Предметы, вас посетил Бог".

Уверен, что фраза критика "Я понял Введенского!", услышь ее сам поэт, повергла бы его в глубокое уныние, и он либо счел свою жизненную задачу не выполненной, либо обвинил критика в самонадеянности и суетном желании исчерпать "неисчерпаемый остаток".

Интересно, что обернуты быстрее проскочили мимо "тождественного силлогизма" (если А, то А), чем абсурдисты, которые буквально застряли на нем, заиклившись на повторении: если А, то А, то А, то А, то А... - ситуация возвращается к исходному началу и повторяется заново (Э.Ионеско, "Лысая певичка", С.Беккет, "В ожидании Годо" и т.п.). Обернутым удалось бежать от "вечного повторения" (классический пример - "Выливающиеся старухи" Д.Хармса): безнадежности и обреченности абсурдистов они противопоставили духовный катарсис и надежду на чудо.

- Что делает время? - Время бежит, время летит, время течет.

Внимательно вслушиваясь в привычные ответы, поэт добавляет: - Бежит как конь, летит как птица, течет как река. Время - конь, время - птица, время - река.

Это один из способов оживления застывших штампов, выводящий прямо на мифологию. К трем стихиям, в которых уже существует "время", Введенский добавляет четвертую, огонь: - Время горит (как Бог).

Время посещает предметы и посещает их не мимоходом, не расслабленно, а в такой сверхконцентрации, в таком невыносимом мерцании, что предметы — ограниченные и частные фрагменты бытия, открывшие себя времени, — возгораются и дают начало общему, вселенскому пожару.

Знал ли он о хасидах? Уверен, что да. Косвенное доказательство: Д. Хармс упоминает в одном стихотворении имя хасидского цадика.

Обитатели стихий: люди, звери, деревья; рыбы, водоросли; птицы... А кто обитатель огня? Очевидный ответ: Бог.

Герой ищет живую и мертвую воду, а находит огонь.

Поглощенный открывшимися перед ним религиозными задачами, Введенский стал пренебрегать теми возможностями словесной игры, которые открыл в 20-е годы: теперь он занят Богом, временем, смертью — а языком лишь постольку, поскольку тот способен или неспособен "помочь" его занятиям.

Несмотря на все величие поэзии Введенского, меня не покидает ощущение, что она была для него "вторым делом", что он домогался чего-то, находящегося за пределами поэзии, а ей занимался "поскольку-постольку".

Множественность мира, его разъятость на отдельные, несвязанные элементы всегда напряженно воспринимались Введенским. В множественности — большая опасность и великая тоска, с ней надо совладать, от нее надо избавиться — хотя бы "переживанием" мира.

"Отчуждение" от предметов или "очуждение" предметов позволяет взглянуть на них свежо, заново, словно впервые. Например: "Звонит машинка, именуемая телефон" (Священный полет цветов), вместо заезженного: "Звонит телефон".

У Введенского есть целый ряд приемов, с помощью которых он делает очевидное незнакомым, а неизвестное очевидным (среди них: инверсия, сдвиг значения, уточняющие слова, повторы и т.п.).

Даже незначительный слом клише поэт осуществляет таким образом, что читатель теряет уверенность в понимании (и даже узнавании) знакомого мира. "Петр Иванович один в своей комнате жжет поленья" (вместо привычного: "топит печь"), и это идиотское "жжет поленья" (на полу, или того хуже: на столе!) застрекает в памяти дикой мелодией даже после того, как "истинное положение дел" восстановлено: топит печь.

Подобными приемами в стихотворениях нагнетается атмосфера неопределенности, подчеркивается наличие каких-то подспудных событий, на фоне которых совершаются очевидные и конкретные дела.

Введенский не замедляет время до неподвижной Вечности, но, напротив, разгоняет его до $\bar{\text{Нее}}$. Его Вечность абсолютно-динамична, чревата временем и при этом удивительным образом лишена событий. Введенскому нет дела до событий, которые лишь "множат" мир; ему нужно чистое время, огонь.

Не слишком ли серьезный тон я взял для беседы с поэтом, который как-никак любил играть и шутить? Серьезнейший, когда речь идет о религиозной серьезности, он бесшабашнейший, когда дело касается слов (и даже смысла). И нельзя сказать, что одно противоречит другому.

К Введенскому вполне приложима горькая характеристика, которую один из современников дал Н. Слейникову: "Улыбался редко, шутил часто". О самом Введенском этот современник заметил: "В жизни он был человек неистового азарта, игрок".

Пребывание в потоке времени, понятое в самом широком смысле движение (жизнь, столкновение смыслов, разговоров и т.п.) — драматично по своему существу, тем более для Введенского, который обнаруживает в потоке времени дополнительный ряд "столкновений" (метаморфозы, чудеса). Неудивительно его обращение к драматургической форме, где происходит то обмен репликами, то их обрывание: " — Прерву тебя. — Прерви меня. — Прервал тебя". (Четыре описания).

Его творчество - своеобразный "роман воспитания" или "путешествие вокруг света", где отсутствующий герой проходит не через людей и обстоятельства, а через стихии и "иные миры".

Христианство с опаской относится к огню: христианский Бог скорее светоносный, чем огненосный. Более того, с Апокалипсиса (а в Средние века особенно) огонь стал синонимом преисподней ("пекло"), где в "геенне огненной" мучились грешники; на кострах сжигали еретиков ("гореть им в огне"). Едва ли не единственное упоминание о Божественном огне в Новом завете содержится в "Деяниях апостолов". В иконографии Бог и его окружение также изображаются светоносными (золотой цвет). Огненные крылья у ангелов Босха - редкое исключение.

Введенского до последних глубин души страшит множественность мира - обилие не связанных и не проникающих друг в друга тел; вызванную этим тоску он с особой силой излил в "Жалобе": "Еще есть у меня претензия -- что я не ковер не гортензия". ✓
Даже эротика, даже любовь оставляют людей разъединенными и разобщенными. "Ужасно, я одна осталась, -- любовь камней не состоялась" (Куприянов и Наташа).

Бегство от закона тождества $A=A$ (при котором камень всегда остается камнем) удается либо посредством чуда (метаморфоза), либо с помощью Бога, огонь которого не сжигает, но расплавляет, делает предметы и существа текучими и взаимопроницаемыми.

Отбросив тождество одноголосия, Введенский заставляет говорить вместо себя весь мир. Он драматизирует свои стихотворения, не превращая их, впрочем, в драмы. Если организующим началом драмы выступает эмпирическое действие (поступки, конфликты, борьба людей), то в "драматургических отрывках" Введенского повествуется о глубинном движении мира, уловленном интуицией поэта.

Истина достигается не "движением тел", а постижением сверх-движения мира, времени и Бога, которые столь "молниеносны", что просто не замечаются. Мы ^{мгнем}играем - в эти мгновенья "пролетают точки времени", и мы "просыпаем" время. Спящий человек (а он и бодрствуя - спит!) не способен ни понять истинное время, ни даже заметить его. Для этого ему необходимо проснуться.

Всякая социальность, общество, коллектив либо совсем отвергаются Введенским, либо преподносятся в иронических или гротескных тонах. Подобное отношение к обществу, характерное для обериутов, принимает у Хармса черты несколько навязчивого, театрализованного эпатажа (ср. Дада). Заболоцкий и в этом отношении представляет "правое крыло" ОБЕРИУ (вероятно, сказалось его демократическое происхождение): отход Заболоцкого наметился задолго до давления на него со стороны литературной критики. Если учесть к тому же, что возникновение ОБЕРИУ было обусловлено не столько внутренним единством, сколько предоставляемой его членам возможности печататься и выступать, то не покажется удивительным, что ирачный Введенский и неутомимый

Харис оказались единственными последовательными обернутами.

Внутреннему глазу поэта открылась сокровенная предназначенность, судьба вещей, которая одна и в низшем и в горнем мире: энергичность и текучесть. Подобное открытие не может не встревожить "обычного человека", привыкшего любить мертвые вещи, и он защищается: - Подумаешь, открытие! Все течет, все изменяется и т.д. Это мы тысячелетиями знаем...

Да, знаем, а теперь попробуй так жить.

Введенский с такой же охотой и легкостью вводит в свой поэтический мир зверей, с какой выводит из него людей. В отличие от человека, зверь не только обладает индивидуальным временем, но и постоянно его "использует" - вместо того, чтобы изобретать механические часы. Для Введенского общество - источник и хранитель тягчайших грехов и заблуждений; только оставаясь наедине с миром, человек получает лишний шанс открыть мир Божий.

Хлебников не одинок, даже если его биография утверждает обратное. У него есть дело до человечества, а значит - есть ученики, толпа, преследователи, народы; он провозглашает и вещает; его скитания - скитания царя-изгнанника. Введенский, также независимо от биографических свидетельств, воистину одинокий человек, бродяга... У души своя география, свое одиночество: Хлебников и в пустыне не один; Введенский одинок и

среди любимейших друзей.

На общество Введенский не возлагает никаких надежд; в его иерархии ценностей общество занимает самое низкое место: надеяться здесь не на что. Единственное, что может исправить "общественного человека" - чудо, происходящее на всех уровнях: от чуда личного обретения Бога до эсхатологического чуда общего спасения. " - Мир накаляется Богом. -- Что нам делать? -- Я в жизни вина -- не знал и не пил. -- Прощайте, я превратился в пепел". (Священный полет цветов).

К практическим предложениям о переделке общества Введенский относится с нескрываемым подозрением. Нетрудно догадаться, с каким сарказмом он воспринимал восторг Заболоцкого по поводу религиозно-этических брошюр Циолковского; не с меньшей неприязнью он относился, вероятно, и к философии "общего дела" Н. Федорова. Радость, вызываемая вечностью "атомов" была ему совершенно непонятна. В знаменитой базаровской фразе: "Умру - и лопух вырастет" он видит только первое слово и мгновенно остужал энтузиазм Заболоцкого ("Вырастет!") вопросом: - Кто? И отвечал: - Лопух. А я? Полнейшая духовная несвязность, несоединенность "лопуха" с умершим (перестановка "атомов" не в счет!), а в конечном счете - любого рождения с любой смертью - повергала его в глубокую тоску, которой знать не знала "объективистская эйфория" Заболоцкого.

Метаморфоза — важнейшая концепция Введенского, но при условии, что метаморфоза произойдет именно со мной; гарантией чего может служить "память", а в более широком плане — реальная духовная связь обоих "участников" метаморфозы, которая не только не прерывается в результате превращения, но, напротив, углубляется.

Даже наследственная, кровная связь не была для Введенского ~~жизн~~ подлинной метаморфозой, и выражение "возродимся в детях" означало для него разве что поэтическую метафору.

Одним из способов прорыва из неподлинного бытия в подлинное является смерть. Без смерти и умирающего не обходится почти ни одно стихотворение Введенского. Но что такое смерть? Еще одна метаморфоза? Или невозможность дальнейших метаморфоз? Размышления над этими вопросами во многом определили религиозный и духовный облик поэта.

Поразительно созвучие идей Введенского и Гераклита! Порой кажется, что Введенский не только читал, но и беседовал с эфесским философом, и почерпнул из бесед с ним гораздо больше, чем сохранилось в дошедших до нас фрагментах.

При общем недоверии обернутов к слову, вполне понятен их постоянный интерес к драматургии и кинематографу, в которых они видели противостоящее словесности искусство действия.)

И хотя им, как литераторам, приходилось работать в первую очередь со словом, они нередко воспринимали его лишь как один из элементов драматического действия. Такой подход частично перекликается с идеями Мейерхоляда и, конечно, с идеями современного театрального авангарда.

Человек ничего о себе не знает: все, что он заявляет о себе, оказывается неверным, поскольку равно возможно прямо противоположное высказывание: "я вам правду расскажу — я хожу и не хожу" (Пять или шесть). Но если допускаются самые разные возможности, можно выбрать самую невероятную: "я не это и не то — я пальто". Признаваясь в полнейшей неосведомленности о подлинных причинах явлений, Введенский подвергает сомнению любую цепь рассуждений: "вот что от этих слов случилось — однако может быть и не от них" (Пять или шесть), тем более что сама цепь рассуждений — с точки зрения здравого смысла — совершенно произвольна и фантастична.

Значение, которым Введенский наделяет какое-нибудь "ключевое" слово, остается обычно неизменным и переходит из стихотворения в стихотворение в своей — невероятной для этого поэта — смысловой неподвижности. Так, слово "венец", однажды упомянутое в связи со смертью, навсегда привязывается к ней — и притягивает вслед за собой "венчик", "венок" и т.п. Зная это, нетрудно расшифровать "появляется веночек" (Франц и смерть).

"на голове стучит венец" (Кончина моря) и т.п. Подобное постоянство значений — один из парадоксов поэта, настаивавшего на "вселенской текучести". Не означает ли он, что сквозь текучесть мира Введенскому был виден Логос?

Жизнь для Введенского — прижизненное умирание, "бытие-к-смерти"; и когда он "поет", то не просто в "преддверии могилы", но в "обратной перспективе", с той стороны: поэт и сквозь стеклянную дверь видит, как по реке к нему медленно подплывает человек по имени Неслухов.

Погружаемся вдвоём
в неглубокий водоём.

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

Человек веселый Франц
сохранял протуберанец
от начала до конца
не спускался он с крыльца
мерял звезды знал цветы
думал он что я есть ты.
Вечно время измерял
вечно песни повторяя
он и умер и погиб
как друстволка и полил.
Он пугаясь видел юбку
фантазируя во сне
и садясь в большую шлюпку
шел к задумчивой сосне
где жуков ходили роты
совершали повороты
показав богам усы
говорили: мы-часы.
Боги были невпопад
и валялись в окопад.
Там в развесистой трапе
созидался муравей
и светляк недобрый царь
зажигал большой фонарь.
Молча молнии сверкали
звери фыркали в тоске
и мелкотельно рычали
полны леса на песке.
Где же? где все это было
где вращалась эта местность?
Солнце скажет: я забыло
спускаясь в неизвестность.
Только видно нам у Франца
показывается ~~ухаживая~~ из ранца
человеческий ровесник
и психолог божества.
Объявляет нам кулесник
вмиг начало торжества.
Звезды праздные толнятся
люди скучные дымятся
мысли бегают отдельно

всё печально и бесцельно.
Боже что за торжество
прямо смерти рождество.
Но заиграет ходит куры
в зале прыгают амуры
а железный паровоз
созерцает весь навоз. —
Франц проснулся сон-зловещий
для чего здесь эти вещи?
Тут как пальма устал слуга
сзади вечности луга
невисокий как тростник
спит на стуле веротник
керосиновая ветвь
озаряет полумрак. —
Ты кудесник мне ответь
сон ли это? я дурак.
Но однако где кудесник
где психолог божества
он во сне считает песни
осыпаясь как листва
он сюда прийти не может
где реальный мир стоит
он спокойно тени мигает
и на небе не блестит.
Дайте турки мне карету
Франц веселый возгласил
дайте Обера ракету
лошадиных дайте сил.
Я поеду по вселенной
на прекрасной этой конке
я земли военнопленный
со звездой устрой гонки
с потолка взгляну на мох
я синица я горех.
Между тем из острой ночи
из нучины злого сна
появляется веночек
и ветвистая коса.
Ты сердитая змея

смерть бездетная моя
здрасьте скажет-франц в тоске
в каждом вашем поноске
больше мысли чем в горшке
больше сна чем в порошке.
Вы достаньте вашу шапку
и разрежьте мне рубашку
а потом разрежьте кожу
и меня приклейте к ложу.
Все равно жива наука
я хрипя проговорю
и себе на смену внука
в виде лампы сотворю
будет внук стоять сять
сочинения писать.
Смерть сказала: ты цветок
и сбегала на восток.
Одинок остался франц
созерцать протуберанс
терять звезды сдать цветы
составляя я и ты
лежа в полной тишине
на небесной высоте.

+ + +

ПРИГЛАШЕНИЕ МЕНЯ ПОДУМАТЬ

Будем думать в ясный день
сев на камень и на-пень.
Нас кругом росли цветы,
звезды, люди и дома.
С гор высоких и крутых
быстро падала вода.
Мы сидели в этот миг
мы смотрели все на них.
Нас кругом сияет день,
под нами камень, под нами пеня.
Нас кругом трепещут птицы
и ходят синие девицы.
Но где же, где-же нас кругом
теперь отсутствующий гром.
Мы созерцали часть реки,
мы скажем камню вопреки:
где ты ночь отсутствуешь
в этот день, в этот час?
Искусство, что ты чувствуешь,
находясь без нас?
Государство, где ты пребываешь?
Лисички и жуки в лесу,
понятия на небе высоком,
подойди Бог и спроси лису—
что, лиса, от утра до вечера далеко?
от слова разумеется до слова цветок
больше ли расстояние пробежит поток?
Ответит лиса на вопросы Бога:
это всё исчезающая дорога.
Ты или я или он, мы прошли волосок
мы и не успели посмотреть мигу эту
а смотрите, Бог, рыба и небо, исчез этот кусок
навсегда, очевидно, с нашего света.
Мы сказали— да это-очевидно,
часа назад нам не видно.
Мы подумали, нам
очень одиноко.

Мы-немного в один миг
охватывали оком;
И только один звук
окушает наш нищий жидкий слух.
И печальную часть наук
постигает наш дух.
Мы сказали- да это очевидно
всё это нам очень обидно.
И тут мы полетели.
И я полетел как дятел
воображая что я лечу.
Прохожий подумал: он спятил,
он богоподобен сычу.
Прохожий, ты брось неумное уныние,
гляди вокруг- гуляют девы синие,
как ангелы собаки бегает умно,
чего ж тебе неинтересно и темно.
Нам непонятное приятно,
необъяснимое нам, друг,
мы видим лес шагающий обратно,
стоит вчера сегодняшнего дня вокруг.
Звезда меняется в объеме,
стареет мир, стареет лесь,
в морей соленом-водоёме
нам как-то поблуждать пришлось,
где волны издавали скрип,
мы наблюдали гордых рыб.
Рыбы плавали как масло
на поверхности воды,
мы поняли, жизнь всюду гасла
от рыб до Бога и звезды.
И ощущение покоя
всех гладило своей рукой.
Но увидев тело музыки
мы не заплакали-наварид.
Нам прохожий говорит:
скорбь вас не охватила?
Да, музыки волшебное светило
погасшее имело жалкий вид.

Ночь царственная начиналась,
мы плакали навек.

+ + +

Над морем тёмным благодатным
носился воздух необъятный
он синим коршуном летал
он молча-ночи яд-глотал.
И кумал воздух; всё проходит
едва висит прогнивший плод
звезда как сон на небе всходит
пчела бессмертная поёт.
Пусть человек как смерть и камень
безмолвно смотрит на песок
цветок тоскует лепестками
и мысль нисходит на цветок
/а воздух море подметал
как будто море есть металл/.
Он понимает в этот час
и-лес и небо и алмаз.
Цветок он сволочь, он дубрава,
мы смотрим на него направо,
покуда мы ещё живем
мы сострижем его ножом
/а воздух море подметал
как будто море есть металл/.
Он человека стал мудрее
он просит имя дать ему.
Цветок мы-стали звать Андреем
он нам ровестник по уму.
Вокруг него жуки и пташки
стонали как лесные чаши
вокруг него-река бежала
свое высовывая жало
и бабочки-и муравьи
под ним звенят колоколами
приметно плачут соловьи
летая нежно над полями.

А воздух море подметал
как будто море есть металл.

+ + +

КОЛЧИНА МОРЯ

МОРСКОМ ДЕМОН и море ничего не значит
и море-тоже круглый нуль
и человек напрасно скачет
в пучину от ножа и пуль
и в море также ходят рыбки
собаки бегают играют скрипки
и водоросли спят как тётки
и будто блохи скачут лодки
и в море также мало смысла
оно покорно тем же числам
оно пустынно и темно
быть может море ты окно
быть может море ты одно

ОХОТНИК

я сам ходил в леса по пояс
я изучал зверей-науку
бывало-крепкой водкой моясь
испытывал я смерть и скуку
передо мной вращались звери
разнообразные сырые
но я закрыл лесные двери
чтобы найти миры вторые
вот я стою на этих скалах
и слышу мертвых волн рычанье
и на руках моих усталых
написаны слова прощанья
прощайте горы и леса
прощай барсук прощай лиса

Я откуда-то идет сановник
в его руке шипит шиповник
на все глядит великосветски

икает редко по-немецки
и величаво горделиво
остановившись он стоит
шумит сосна, болтает слива
волна безумная блестит
мечтает лодка и пучина
вдруг говорит ему: мужчина
и ты устав от государства
и службы испытав коварство
узнав ненужность эполет
ужель тебе постыл балет
и жизнь предстала кровопийцей
и ты стоишь самоубийцей

САЮВНИК

вот перед вами я
пучина милая моя
я вижу здесь еще людишки
хотят-купить на дне домишки
чтоб в этих домиках морских
с русалками обедать
чтобы в трактирах-водяных
морской коньяк отведать
мы верим в то что не умрем
что жизнь имеет продолженье
мерцает рыба серебром
мы любим пиво любим ром
играем-с бабкой в размноженье
моя невеста Дурдина
мой любимца ордена
но целый год весну и лето
не выходила из юозета
и я отчаялся потух
сказал себе: я не петух
не шидевод, она же утка
и продолжение-желудка
она рабыня живота
тут появилась пустота
и понял я что всё раскошно

но ласкотно тоскливо тошно
и я к тебе склоняюсь море
на документах слово горе
гляди написано везде
и вижу сотни-категорий
как рыбы плавают в воде

Слуги вносят большой диван

на диване люди птицы
мысли мыши и кусты
и у всех печальны лица
и у всех глаза пусты
птицы ходят по траве
будто сны на голове
люди желтые лежат
лодки светят дребезжат
мысли крадутся в могилу
через дождь и через силу
мыши ходят вдоль домов
с видом греческих умов
и прозрачны и чисты
спят под знаменем кусты

ГОЛОС

все сюда явитесь
и зажгите ваши свечи
демон овец дождь и витязь
нынче к нам идут на вечер
море берег и звезда
мы устроим пир огромный
вылетает ангел темный
из пучины из гнезда

АНГЕЛ

все ли все ли
здесь собрались
все ли сели на полу
музыканты забирались
как лингвины на скалу
выходило море в гости
с ним под руку шла звезда

и сказала море: бросьте
думать бегать ерунда
думай думай думай думай
бегай прыгай и ворчи
смерть возьмет рукой утрюмой
поздно выскочут врачи
будто лебеди, родные
соберутся вокруг постели
и труды придут-иные
залетают мухи в теле
но чему могу помочь
дети люци в эту ночь

ОХОТНИК

море море госпожа
на тебя одна надежда
мы к тебе ищем проща

САНОВНИК

замолчи невежда!
мы море море дорогое
понять не можем ничего
прими нас милое второе
и водяное божество
как звери бегаем по мраке
откинув шпаги мысли фраки
в руке дымится банка света
взгляни-могущее на это
на голове стучит венец
приходит нам- пришел конец

МОРЕ

я не могу

Морской ДЕМОН

а что я говорил

САНОВНИК

я думаю я плачу

МОРЕ

я также ничего не значу

† † †

СУТИ

ОТВЕТ Вбегает ласточка.

ВОПРОС Но кто ты ласточка небес,
ты зверь или ты лес?

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ ОТВЕТ ЛАСТОЧКИ

Я часовщик

ВОПРОС Но кто тебя здесь повстречал
в столичном этом мраке,
где вьются гнезда надомной,
где нет зеленых листьев,
и страдет человек земной,
спят раки?

Где моря нет.

Где нет значительной величиним воды,
скажи кто ты?

Ты мрак палат.

ОТВЕТ ЛАСТОЧКИ

Я солдат.

Я солдат.

Сбегают ночь с вершинами горной,
вершина пребывает черной,
звезда нисходит с небосклона.

Он пуст

как куст.

ВОПРОС Не небосклон ли ты жалеешь,
когда на нем как планета алеешь,
заменяя собой звезду,
упавшую сию минуту
в роу.

ОТВЕТ ЛАСТОЧКИ

Стал небосклон пустым и чистым
как небосвод.

Прохладу Бог послал
день встает.

ВОПРОС Проходит час времени.

ОТВЕТ Проходит час времени.

ВОПРОС Похож ли ветер на цветки,
на маргаритки и тюльпаны?

ОТВЕТ Сидел старик.

Из рук он делает прыжки
для сохраненья глаз
от блеска.

ВОПРОС Похож ли ветер на сивью?
ОТВЕТ Понятное над нами всходит утро,
за щекой хочется лететь,
и рассуждая мудро
петь.

ВОПРОС Скажи кто прав
я
или вершины трав
и кто без чувств лежит как яблоко?

ОТВЕТ Мы чуем камни просыпаются,
они заводят разговор,
они как листья осыпаются
с вершины благородных гор,
пустые числа оживлены
сиянием от нас уходящей луны.
День наступает,
мир растет.

ВОПРОС Ах ласточка, ты коршун.
Столица здесь.
Здесь мира нет.
Здесь моря нет,
поеду лучше в Оршу.

ЛАСТОЧКА Не есть ли море лучший мир?
Не есть ли море лучший мир?
Он рос.

СПРАШИВАЮЩИЙ Ласточка что нам делать?
Ты сама задаешь вопрос.
Твои меняются черты.
Скажи где ты?

ОТВЕТ Снег был зимой числом.
Он множествен.
Теперь в ручье кивать веслом
ты можешь.

ВОПРОС Проходит час времени.

ОТВЕТ Проходит час времени.
ВОПРОС Не избегают ли нас?
ОТВЕТ Прошлыми тучи синие как-краска.
Жук пробежал. Трава подвинулась на точку
за этот час. Ногой ударил муравей
унавшую звезду, как незначительную кочку
и в море шыл корабль передвигался
проще простого.

ВОПРОС Кто может нас избегать?
Не обегает ли нас?
Мы посторонние места
что дороже смерти.
Смотри с пустынного места,
хочу волнам я крикнуть верьте,
и я к тебе приду вода
в гости.

ОТВЕТ Безупречная вода.
Она бежит бездонная вода,
она стоит на месте миг,
печаль ей незнакома.
Она под каждой ложбиной дома.
Она ленивица.
Она престопа.
Она горда.
Она тверда.
Она беспорна.
Она отсутствие луча.

ВОПРОС Шипит брошенная в ручей свеча,
из нее выходит душа.
Блещет кинутый в воду крот
и слепыми глазами читает небосвод,
и рыбак сидящий там где-река
незаметно превращается в старика.
Быть может он боится блеска.

ОТВЕТ Чернеет все,
день кончился.
Вне раз
на бранном месте
где происходила битва,

вновь опускается молитва.
Тут совершается молитва.
С вершин травы роса стекает.
Жук спать идет. Звезда мелькает.
Планетами вновь полон небосклон.
Меркнет море где муравей зритель волны он,
он потирает лапой точку песка.
Плавают потухенная рыба.
Сутки прошли.

ВОПРОС

Похож ли лес на ночь?
Дерева есть частица ночи,
дубы есть-звезды, птицы влага,
листья ответ.

ОТВЕТ

В лесу отсутствует крушенье.
Сутки прошли.
Сутки прошли.
Заумела листва.

+ + +

Эф

А ты не боишься дура,
Взлетела как вершина на горе,
блестит как смех твоя волшебная фигура.
Не то ты девушка, не то ты птичка.
Боясь я каждой спички.
Чиркнет спичка
и заплачет птичка.
Пропадет отвага
вспыхну как бумага.
Будет чанка пепла
на столе вонять
или ты ослепла
не могу понять.

Девушка

Чем ты занимаешься ежедневно?

Эф

Пожалуйста. Расскажу.
Утром встаю в два —
гляжу на минуты гневно,
потом зеваю, дрожу.
На стуле моя голова
лежит и смотрит на меня с нетерпением.
Ладно, думаю, я тебя надену.
Стаканы мои наполняются пенным
в окошко я вижу морскую пену.
А потом через десять часов я ложусь,
лягу; поспиву, попружусь,
голову отклею. Потом сплю.
Да, иногда еще Бога молю.

Девушка

Молишься значит?

Эф

Молюсь конечно.

Девушка

А знаешь, Бог скачет
вечно.

Эф

А ты откуда знаешь
шмотка?
Летать — летаешь

а глупа как лодка.

Девушка

Ну, не ругайся.
Ты думаешь долго сможешь так жить.
Скажу тебе: остерегайся,
учись гадать и ворожить.
Надо знать все что будет.
Может жизнь тебя забудет.

Эф

Я тебя не пойму
голова у меня уже в дыму.

Девушка

Да знаешь ли ты что значит время?

Эф

Я-с временем не знаком
увидю-я его на ком?
Как твоё время потрогаю?
Оно фикция, оно идеал.
Был день? Был.
Была ночь? была.
Я ничего не забыл.
Видишь четыре угла?
Были углы? были.
Есть углы? скажи, что нет, чертовка.
День это ночь в-мысле.
Все твоё время веревка.
Тянется, тянется.
А обрежь, на руках останется
Прости, милая,
я тебя обругал.

Девушка

Мужчина пахнувший могилею,
уж не барон, не генерал,
ни князь, ни граф, ни комиссар,
ни Красной армии боец,
мужчина этот Балтасар,
он в этом мире не жилец.
Во мне не вырастет обида
на человека мертвеца.

Я не Мазепа, не Анда,
а ты не видящий своего конца
идем со мной.

ЭФ   Пойду без боязни
смотреть на чужие казни.

Воробей /испуганный зерна радости/
Господи, - как мир волшебен,
как все в мире хорошо.
Я пою богам-молебен
я стираюсь в порошок
перед лицом столь могучих
столь таинственных вещей
что проносятся на тучах
в образе мешка-свечей.
Боже мой, все в мире пышно
благолепно и умно.
Богу молятся неслышно
мере, лось, кувшин, гумно,
свечка, всадник, человек,
ложка и Халжи-абрек.

Толпа тащится. Гуляют коровы они же быки.

КОРОВЫ   Что здесь будут делать?

Они же быки   Будут резать, будут резать.

КОРОВЫ   Неужто нас, неужто вас?

ГОЛОС   Коровы, во время холеры не пейте квас
и будет чудесно.

Уоревы они же быки спокойно уходят
Появляется царь. Царь появляется. Темнеет в глазах.

ЦАРЬ   Сейчас, бесценная толпа,
ты подойди сюда.

Тут у позорного столба
будет зрелище суда.
Палач будет казнить людей,
нести эллинов и нести иудей.
Всякий приходи созерцай,
слушай и не мерцай.
Заглушите приговоренных плач
криком, воплями и хохотом.
Бонжур палач,
ходи, говори непотом.
Люди бывают разные,
трудолюбивые и праздные,
сытые и сытые,
мокрые и высокие,
зеленые и глаженные,
треугольные и напозаженные.
Но все мы люди белые в тени
однажды плачем, зная что мы без души.
Это действительно тяжелый удар
подумать что ты пар.
Что ты умрешь и тебя нет.
Я плачу.

ПАЛАЧ Я тоже.

ТОЛПА Мы плачем.

Приговоренные
Мы тоже.

На площади раздался страшный плач. Всем стало страшно.
Входит Эф и Девушка.

ДЕВУШКА Повалился дурак на казни ходить,
тут ему и голову сложить.

ЭФ Гляди потаскуха на помост
но мне не наступай на хвост.
Сейчас произойдет начало.

Толпа как Лондон зарычала
схватила-Эф за руки-ноги
и потащив на эшафот
его прикончила живот
и стукнув жезлом и пером
и добавив немного слова
веревочным топором
отняла ему голову.
Он сдох.

ЦАРЬ

Он плох.
Скажите как его имя.
Пойду затошю камни
и выпью с друзьями своими.

ЗООБРАЖАЕМАЯ ДЕВУШКА /исчезая/

Его фамилия Фомин.

ЦАРЬ

Ах какой ужас. Это в последний раз.

Палач убегает.

Фомин лежал без движения
на красных свинцовых досках.
Казалось ему, наслажденье
сидит на усов волосках.
Потрогаю, думает, волос
иль глаз я себе почесу
а то закричу во весь голос
или пойду подыгу.
Но чем дорогой Фомин
чем ты будешь хмыкать кричать
что ты сможешь чесать?
Нету тебя Фомин,
умер ты, понимаешь?

ФОМИН

Нет, -я не понимаю.
Я жив. -
Я родственник.

Девушка

Кто ты родственник небес,
снег, бутылка или бес.
Ты число или понятие,
приди Фомин в мои объятия.

Фомин

Нет, я кажется мертв.
Уйди.

Она спешит уйти.

Фомин

Боги, боги, понял ужас
состоянья моего.
Я-с трудом в слезах натухась
свой череп вспомнить не могу.
Как будто не было его.
Беда, беда.

Расписывается в своем отчаянном положении и с трудом
бегит.

Девушка

Фомин-ведь ты же убежал
и вновь ты здесь.

Фомин

Я убежал-не весь.
Когда ревел морской прибой
вставал высокий вал
я вспоминал что я рябой
я был и тосковал.
Когда из труб взвивался дым
и было все в кольце
и становился я седым
росли морщины на лице-
я приходил в огонь и в ярость
на приближающую старость.
И когда осыпался лес
шевельился на небе бес
и приподнимался Бог
я в унынии целкал блох.
Наблюдая борьбу небесных сил
я насекомых косил.
Но дорога, дура,
я теперь безработный

я безголов.

Девушка

Бесплотный
садится час на крышку гроба
где пахнет тухлая фигура,
вторая тысяча голов
идет из города особо.
Удел твой глух,
Фомин, Фомин.

Вбегает мертвый господин.

Они курят.

Петр Иванович Стирkobреев, один в своей комнате жжет
поленца.

Стирkobреев

Скоро женщины придут
скоро девки прибегут
мне рассеяться помочь.
Скоро вечность, скоро ночь.
А то-что-то скучно
я давно не хохотал
и из рюмки однозвучной
водку в рот не грехотал.
Буду пальму накрывать
а после лягу на кровать.

Звонит машинка, именуемая телефон.

Стирkobреев

Да, кто говорит.

Голос

Метеорит.

Стирkobреев

Небесное тело?

Голос

Да, у меня и вам дело.
Я, как известно, среди планет игрушка.
Но я слышал, что у вас будет сегодня
пирюшка.

Можно прийти?

Стирkobреев

Прилетайте /вешает трубку/.
Горжусь, горжусь, кусок небесный

находит это интересным,
собрание пламенных гостей
их столкновение коостей.
Не то сломался позвоночник
не то еще один звонок.
Кто это? Петр Ильич?

Голос   Нет, Стирkobреев, это я. Паралич.

Стирkobреев   А, здарсьте. /в стороны/. Вот так несчастье
Что вам надо?

Голос   Финенье слышимь ады
поночий Стирkobреев?
Зачем тебе-помада
ответь, ответь скорее.

Стирkobреев   Помада очень мне нужна,
сюда гостить придет княжна,
у нея Рюрик был в роду.

Голос   Я тоже приду.

Стирkobреев   Час от часу не легче.
Пойду приготовить свечи,
а то еще неладною-порой
напросится к нам в гости геморрой.

Комната тухнет. Примечание: временно. Раздаются звонки.
Входят гости.

Николай Иванович
                  Как дела, как дела?

Степан Семенович
                  Кутю, кутю.

Мария Натальяевна
                  Я едва не родила.
Оказалась это шутка.

Оказалось это шутка.
Где уборная у вас,
мы дорогой пили квас.

Фомин

Здравствуй Боря.

Стирkobреев

Здравствуй море.

Фомин

Как? как ты посмея?
Я тебе отомщу.

В его ногах валялся мел.
Он думал: не-случу
я Стирkobрееву обиды.
Летали мухи и болиды.

Фомин

Если я море,
где мои волны.
Если я море,
то где чёлны.

А гости веселы, довольны,
меж тем глотали часть халвы
с угрюмой жадностью волны.

Открывается дверь. Влетает озябший Метеорит.

Метеорит

Как церковный тать
обокравший кумира,
я прилетел наблюдать
эту стенку мира.

Гости /поют/

В лесу растет могилка,
На ней цветет кулич.

Тут вносят на носилках
болезнь паралич.

Стирkobреев

Не все в сборе.
Сядем пить и есть.

Фомин Я напомню Боря,
 что мне негде сесть.

Стирkobреев Эй ты море,
 сядь под елью.

Мария Натальевна Быть, чувствую, ссоре.

Все /хором/ Да, дело кончится дуэлью.
 Они пьют.

Сергей Фадеевич Нина Картиновна, что это, ртуть?

Нина Картиновна Нет, это моя грудь.

Сергей Фадеевич Скажите, прямо как вата.
 Вы пушка.

Нина Картиновна Виновата;
 а что у вас в штанах?

Сергей Фадеевич Хлопушка.
 Все смеются. За окном сияние лент.

Куно Петрович Фишер
 Мария Натальевна, я не монах,
 разрешите я вам поцелую пуп.

Мария Натальевна Сумасшедший, целуйте себе зуб.
 Ниночка, пойдём в ванну.

Гости Зачем?

Мария Натальевна Пойдём полищем.

Гости Слава Богу.
 А мы чистым воздухом пока подышим.

Стирkobреев   В отсутствии прекрасных женщин
тут вырастает мгновенно ель.
На это нужно часа меньше.
Сейчас мы сделаем дуэль.

Фомин   Я буду очень рад
отправить тебя в ад.
Ты небесное светило,
ты что всех нас посетило,
на обратном пути
этого мертвеца захвати.

Стирkobреев   Паралич, ты-царь болезней,
сам пойми, в сто крат полезней,
чтобы этот полутруп
умер нынче бы к утру б.

Паралич и метеорит

Мы будем секундантами. Вот вам ножи.
Колитесь. Молитесь.

Фомин   Я сейчас тебя зарежу—
изойдешь ты кровью свежей,
из-под левого соска
потечет на снег тоска.
Ты глаза закроешь вяло
неуклюже ляжешь вниз
и загробного подвала
ты увидишь вдруг карниз.

Стирkobреев   Не хвастай. Не хвастай.
Сам живешь последние минуты.
Кто скажет здравствуй
ручке каюты?
Кто скажет спасибо
штанам и помоду?
Тыдохлая рыба
иди в свою воду.

Дуэль превращается в знаменитый лес. Порхают призраки

птичек.

У девушек затянулась переписка.

Шел сумасшедший царь Фомин
однажды по земле
и ядовитый порохом кармин
держал он на своем челе.
Его волшебная рука
изображала старика.
— Волнуется ночной лесок
в нем Божий слышен голосок.
И этот голос молниеносный
сильней могучего ножа.
Его надменно ловят сосны,
и смех лисицы, свист ужа
сопутствуют ему.
Вся ночь в дыму.
Вдруг видит Фомин дом,
это зданье козла,
но полагает в расчете князем седом
что это тарелка добра и зла.
И он берет кувшины добра
и зажигает канделябры
и спит. —
Наутро, в час утра,
где ниче шевелятся арбы,
его встречает на дороге нищий
и жалуется, что он без нищи.

Нищий

Здравствуй Фомин, сумасшедший царь.

Фомин

Здравствуй добряк.

Уж много лет
я странствую.
Ты фонарь?

Нищий

Нет, я голодаю.
Нет моркови, нет и репы.
Износился фрак.

Боги стали свирепы.
Моё мнение: будет мрак.

Фомин Ты думаешь так.
А я иначе.

Никитин Тем паче.

Фомин Что паче?
Я не о том.
Я говорю про будущую жизнь за гробом,
я думаю, мы угодимся микробам,
станем почти незаметными
насекомыми прелестными.
Были глухие гиганты,
станем крошечные бриллианты.
Ценно это? Ценно, ценно.

Никитин Фомин, что за сцена?
Я есть хочу.

Фомин Выть самого себя.

Никитин /пожирая самого себя/
Фомин, ты царь.

Они исчезли,
и толстые тела часов
на множество во сне залезли
и стала путаница голосов.

ВСЕГДА ЧАСОВ

Первый час говорит второму
Я пустынный.

Второй час говорит третьему
Я пучина.

Третий час говорит четвертому
Одень утро.

Четвертый час говорит пятому
Сбегают звезды.

Пятый час говорит шестому
Мы опоздали.

Шестой час говорит седьмому
И звери те же часы.

Седьмой час говорит восьмому
Ты приятель рожи.

Восьмой час говорит девятому
Перебежка начинается.

Девятый час говорит десятому
Мы кости времени.

Десятый час говорит одиннадцатому
Быть может мы гоним.

Одиннадцатый час говорит двенадцатому
Подумаем о дорогах.

Двенадцатый час говорит первый час
Я догону тебя вечно мчась.

Первый час говорит второму
выпей друг человеческого борому.

Второй час говорит час третий
на какой точке тебя можно встретить.

Третий час говорит четвертому
я кланяюсь тебе как мертвому.

Четвертый час говорит час пятый
и мы сокровища земли тьмой объаты.

Пятый час говорит шестому
я молюсь миру пустому.

Шестой час говорит час седьмой
время обеденное идти домой.

Седьмой час говорит восьмому
мне бы хотелось считать по-другому.

Восьмой час говорит час девятый
ты как Енох на небо взятый.
Девятый час говорит десятому
ты подобен ангелу пожаром объятому.
Десятый час говорит час одиннадцатый
разучился вдруг что-то двигаться ты.
Одиннадцатый час говорит двенадцатому
и все же до нас не добраться уму.

Фомин

Я буду часы отравлять.
Примите, часы, с ложки лекарство.
Иное сейчас наступает царство.

София Михайловна

Прошу, прошу,
войдите.
Я снег сизу крошу.
Мой дядя, мой родитель
ушли к карандашу.

Фомин

Не может быть. Вы одна. Вы небо.

София Михайловна

Я как видите одна
сизу изячно на столе.
Я вас люблю до дна,
Достаньте пистолет.

Фомин

Вы меня одобряете. Это превосходно.
Вот как я счастлив.

София Михайловна

Сергей, Иван, и Владислав и Митя,
покрепче меня обнимите.
Мне что-то страшно, я изячна,
но все-таки кругом все мрачно,
целуйте меня в щеки.

Фомин

Нет в туфлю. Нет в туфлю. Большеглава
не заслуживаю.

Святня. Богиня. Богиня. Святня.

София Михайловна

Разве я так божественна?
Нос у меня курносый, глаза щелки, Дура я,
Дура.

Фомин

Что вы! Любящему человеку, как мне,

вы кажетесь лучше, чем на самом деле.
И ваши пыльные штанишки
я принимаю за крыло,
и ваши речи—это книжки
писателя Анатоля Франца,
я в вас влюблен.

София Михайловна   Фомин, золотой. Лейна моя.

Фомин ее целует и берет. Она ему пожечно отдается.
Возможно, что зарождастся еще один человечек.

София Михайловна   Ах, по-моему мы что-то наделали.

Фомин   Это только кошки и собаки могут что-то
наделать. А мы люди.

София Михайловна   Я бы хотела еще разик.

Фомин   Мало ли что. Как я тебя люблю. Скучно
что-то.

София Михайловна   Ангел, Богатырь. Ты уходишь. Когда же
мы увидимся?

Фомин   Я когда-нибудь приду.

Они обнялись и заплакали.

Фомин пошел на улицу, а София Михайловна подошла к ок-
ну и стала смотреть на него. Фомин вышел на улицу и
стал мочиться. А София Михайловна увидев это, покрас-
нела и сказала, счастливо; " Как птичка, как маленький!"

Венера сидит в своей разбитой спальне и стрижет послед-
ние ногти.

Венера   Увидев одного пострела
я поняла, что постарела.
Он был изыщен и усат
Он был высоким будто сон.
Дул кажется пассат
а может быть муссон.
Вбегают мертвый господин.
Я думаю, теперь уж ян не та
похожая когда-то на крота,
сама красота.

Теперь я подурнела
живот подался вниз
а вместе с ним пунок обвис.
Поганое довольно стало тело.
Шетиной поросло, угрями.
Я воздух нюхаю ноздрями.
Не нравится мне мой запах.

Вбегает мертвый господин.

И мысли мои стали другие
уже не такие нагие.
Не может быть случки обнаженной
у семьи прокаженной,
поэтому любитесь на сундуках
и человек и женщина в штанах.
Господи, что-то будет, что-то будет.

В Вбегает мертвый господин.

Возьму я восковую свечу
и побегу учить на речку.
Темнеет парус одинокий,
между волос играет огонек.

Вбегает мертвый господин.

ФОМИН

Спаси меня Венера.
Это тот свет!

Венера

Что вы душка!

ФОМИН

Надежда, любовь, Софья и Венера
мне дали совет.

Венера

Зачем совет! Вот подушка.
Приляг и отдохни.

ФОМИН

Венера чихни.

Венера чихает.

ФОМИН

Значит это не тот свет.

Венера

Давай, давай мы ляжем на кровать
и будем сердца открывать.

ФОМИН

Я же безголовый.
Вид имею казака,
я между тем без языка.

Венера /разочарованно/

Да это обидно,
да и другого у тебя
мне кажется не видно.

Фомин Не будем об этом говорить. Мне неприятно.
Но не способен и не способен. Подумаешь.
Не затем умирал, чтобы опять все сначала.

Венера Да уж ладно, лежи спи.

Фомин А что будет когда я проснусь?

Венера Да ничего не будет. Все то же.

Фомин Ну хорошо. Но тот свет-то я увижу наконец?

Венера Иди к чертям.

Фомин спит. Венера моется и поет.

Венера Люблю, люблю я мальчиков
имеющих одиннадцать пальчиков
и не желаю умирать.
А потому я начинаю скотскую жизнь.
Буду мычать.

Богиня Венера мычит
а Бог на небе молчит
не слышит ее мычания
и всюду стоит молчание.

Фомин /просыпаясь/

Это коровник какашки какой-то, я лучше
уйду.

Спустите мне, спустите сходни
Пойду искать пути господни.

Венера Тебе надо штаны спустить
и отрезать то, чего у тебя нет.
Беги, беги.

Вбегает мертвый господин.

Фомин Я вижу женщина цветок
садится на почную вазу,
из ягод ее поток
иную образует фазу
нездешних свойств.
Я полон снов и беспокойств.

Гляжу сюда в смущенье.
Здесь человечества гнездо
и символы крещенья.
Гляди, забрав с собою
в путь зеркало, суму и свечки
по комнатам несется вскачь ездок.
И харкают овечки.
О женщины! о мать!
Ты спишь накрыта одеялом
устала ноги поднимать
тщась снится одеялом
кое-каким влюбленным мужчинам
украшив свой живот пером
снажу развесистым лучинам:
я сам упал под топором.
ЖЕНЩИНАХ

Женщина /проснулась с блестящими глазами/

Я увидела ужасный сон,
как будто бы исчезла юбка
горами вся покрылась юбка
и был мой голос унесен.
И будто бы мужчины небо
с крылами жесты за спиной
как смерти требовали хлеба.
узор виднелся оспяной
на лицах их.
Я век не видела таких.
Я женщина— я им сказала
и молча руки облизала
у диких ангелов тоски
шля на своей фигуре разные волосы.
Какой был страшный сон.
У меня руки и ноги шуршали в страхе.
Скажи мне Бог, к черту же он!
Я мало думала о прахе,
подумав еще.

Фомин

Подумай, улюбнись свечой
едва ли только что поймешь.

Женщина

Смерть это смерти ей.
Слаб мой ум
и сама я дура.
Слышу смерти шум,
говорит натура:
все живут предметы
лишь недолгий век,
лишь весну да лето,
вторник да четверг.
В тщетном издыханьи
время проводя.
В любовном колыганьи
ловя конец гвоздя.
Ты думаешь дева бесечно
что все кисельно и млечно.
Нет, дева дорогая,
нет, жизнь это не то,
а ты скончишь путь рыгая
как пальми и лето

Девушка

Однако этот разговор
вести бы мог и черный двор.
Ты глухая натура, не блещешь умом,
как великие ученые
Карл Маркс, Бехтерев и профессор Ом.
Все знают, что придет конец,
все знают, что они свинец.
Но это пустяки
ведь мы еще не костяки
и мне не страшен сотник адовый.
Вернись, Фомин, шепчи, шепчи, подглядывай.

Фомин

Я подглядываю? ничтожество,
есть на что смотреть.

Женщина

Давно ты так стоишь?

Фомин

Не помню, дней пять или семь.
Я свет потерял.
Мне не по себе.
А ты что делаешь?

Женщина   Хочется, хочется,
                         хочется поворочаться.
Ворочается и так и сяк.

Фомин /воет/

Ты сумрак, ты непоседа,
ты тухлое яйцо.
Победа, Господи, победа,
я в миг узнал ее лицо.

Господь

Какое же ее лицо?

Фомин

Географическое.

Носов

Важнее всех искусств
я полагаю музыкальное
лишь в нем мы видим кости чувств,
оно стеклянное зеркальное.
В искусстве музыки творец
десятое значение имеет,
он отвлеченного купец,
в нем человек немеет.
Когда берешь ты бубен или скрипку
становишься на камень пеня
то воздух в маленькую рыбку
превращается от нетерпенья.
То ты стоишь играешь чудно
и стол мгновенно удаляется
и стул бежит походной трудной
и география является.
Я под рокот долгих струн
стал бы думать: я перун
или география.

Фомин /в испуге/

Но по-моему никто не играл. Ты где был?

Носов

Мало ли что тебе показалось, что не играли.

Женщина

Уж третий час вы оба здесь толчетесь
все в трепете в песке и в суете,
костями толстыми и голосом сочтетесь,

вы ездки науки в темноте.
Когда я лягу изображать Валдай,
волшебные не столь большие горы,
Фомин ездай вперед, Гусаров не болтай.
Вон по краям дорог является ваши разговоры.

Фомин   Кто ваши? Не пойму твоих вопросов.
Откуда ты взяла, что здесь Носов?
Здесь все время один Фомин,
это я.

Носов /вскиная/
Ты? ты скотина!

Фомин   Кто я? /Успокаиваясь/. Мне все равно.

Уходит.

Носов   Фомина надо лечить. Он сумасшедший.

Женщина
Женщина спит.
Воздух летит.
Ночь обращается в вазу.
В иную нездешнюю фразу
вступает живущий мир.
Дормир, Носов, дормир.
Руки выползают из кинтов своих.
Олени стоят как убитые
деревья с глазами святых
качаются Богом забытые.
Весь провалился мир.
Дормир, Носов, дормир.
Солнце сияет в потемках леса
блоха допускается на затылок беса
сверкают мохнатые птички
в саду гуляют привычки.
Весь рассыпался мир.
Дормир, Носов, дормир.

Фомин /возвращаясь/
Я сразу сказал: у земли невысокая стоимость.

Носов   Ты, бедняга, не в своем уме.

Они тихо и плавно уходят.
И тогда на трон природы
сели гордые народы

берег моря созерцать
землю мереть и мерцать.
Так сидят они мерцают
и негромко восклицают
волны бейте, гром греми,
время век вперед стреми.
По бокам стоят предметы,
безразличные молчат,
на небе вялые кометы
во сне худую жизнь влачат.
Иные звери веселятся
под бессловестною луной,
их души мрачно шевелятся,
уста закапаны слюной.
Приходит властелин приказчик
кладет зверей в ужасный ящик
и везет их в бешенства дом
где они умирают с трудом.
Войтесь бешеных собак.
Как во сне сидят народы
и глядят на огороды.
Сторож нюхает табак.
Тут в пылающий камин
вдруг с числом вошел Фомин.

Фомин

Человек во сне бодрится
рыбы царствуют вокруг
только ты луна сестрица
только ты не спишь мой друг.
Здравствуйте народы,
Петровы, Иваны, Никола и, Марии, Силангии.
на хвост природы
надевшие мантии.
Куда шлядете вы?

Народы

Мы бедняк, мы бедняк
в зеркало глядим.
В этом зеркале земля
отразилась как змея.
Во мы будем изучать.
При изучении земли
иных в больницу увезли,

в сумасшедший дом.

Фомин

А что вы изучали, глупцы?

Народы

Мы знаем что земля кругла
что камни скупцы
что на земле есть три угла,
леса, дожди, дорога,
и человек начальник Бога.
А над землею звезды есть
с химическим составом,
они покорны нашим уставам
в кружении небес находят долг и честь.
Все мы знаем, все понимаем.

Затычкин

Ты смотришь робко
подобный смерти.
Пустой коробкой
пред нами вертишь.
Ужели эта коробка зла.
Приветствую пришествие козла.

Фомин

Родоначальники, я к вам пришел
и с вами говорить намерен,
ведь сами видите вы хорошо
что не козел я и не черт, не мерин,
тем более ни кто-нибудь другой.

Фомин сказал. Махнул рукой,
заплакал от смущенья
и начал превращенье.

РЕЧЬ ФОМИНА

Господа, господа,
все предметы, всякий камень,
рыбы, птицы, стул и пламень,
горы, яблоки, вода,
брат, жена, отец и лев,
руки, тысячи и лица,
войну, и хижину, и гнев,
дыхание горизонтальных рек
занес в свои таблицы
неумный человек.

Если создан стул то зачем?
Затем, что я ем на нем сизу и мясо ем.
Если сделана мановением руки река,
мы полагаем, что сделана она
для наполнения нашего мочевого пузыря.
Если сделаны небеса
они должны показывать научные чудеса.
Также созданы мужские горы,
назначения, туман и мать.
Если мы заводим разговоры,
вы дураки должны их понимать.
Господа, господа,
а вот перед вами течет вода,
она рисует сама по себе.
там под кустом лежат года
и говорят о своей судьбе.
Там стул превращается в победу,
наука изображает собой среду,
и звери, чины и болезни
плавают как лилии в бездне.
Царь мира Иисус Христос
не играл ни в очко, ни в иггес,
не бил детей, не курил табак,
не ходил в кабаки.
Царь мира преобразил мир.
Он был небесный бригадир,
а мы грешны.
Мы стали скучны и смешны.
И в нашем посмертном вращении
спасенье одно в превращении.
Господа, господа, глядите,
вся земля вода.
Глядите, вся вода сутки.
Выходит летающий жрец из будки
и в ужасе глядит на перемену,
на смерть изображающую пену.
Родоначальники, довольны ли вы?

Народы   Мы не можем превращенья вынести, .

После этого Фомин пошел в темную комнату, где посередине
была дорожка.

Фомин   Остроносков ты здесь?

Остроносков   Я весь.

Фомин   Что ты думаешь, о чем?

Остроносков   Я прислоняюсь плечом к стене
стою подобный мне.
Здесь должно нечто произойти.
Допустим, мы оба в заперти.
Оба ничего не знаем, не понимаем.
Сидим и ждем.

Фомин   Война проходит под дождем
брязая вооруженьем.
Война полна наслажденьем.

Остроносков   Слушай, грохочет зеркало на обороте,
гуляет стул надменный.
Я вижу в этом повороте
его полет одновременный.

Фомин   Дотронься до богатого стола.
Я чувствую присутствие угла.

Остроносков   Ай жжется!

Фомин   Что горит?

Остроносков   Диван жжется. Он горячий.

Фомин   Боже мой. Ковер горит.
Куда мы его спрячем?

Остроносков   Ай жжется!
Кресло подо мной закипело.

Фомин   Беги, беги,
чернильница задела.
Господи помоги.
Вот беда так беда.

Остроносков   Все останавливается.
Все ~~жжется~~ пышет.

- ФОМИН Мир накаляется Богом.
Что нам делать?
- Остроносков Я в жизни вина
не знал и меня не был.
Прощайте, я превратился в пепел.
- ФОМИН Если вы предметы боги,
где предметы ваша речь?
Я боюсь, такой дороги
мне вовек не пересечь.
- Предметы /бормочут/
Да, это особый рубикон. Особый рубикон.
- ФОМИН Тут расколенные столы
стоят как вечные котлы
и стулья как больные горничкой
чернеют вдали живой начкой.
- Бурнов Однако это хуже чем сама смерть,
перед этим все игрушки.
День ото дня становится хуже и хуже.
- ФОМИН Успокойся, сянь светло,
это последнее тепло.
Тема этого события—
Бог посетивший предметы.
Понятно?
- Бурнов Какая может быть другая тема
Чем смерти вечная система?
Болезни, пропасти и казни—
ее приятный праздник.
- ФОМИН Здесь противоречие,
я ухожу.

Лежит в столовой на столе
труп мира в виде крем брэмэ.
Кругом воклет разложением
иные дураки сидят
тут занимаясь умножением.
другие принимают яд.

Сухое солнце, свет, кометы
уселись молча на предметы.
Дубы поникли головой
и воздух был гнилой.
Крылом озябшим плещет вера
одна над миром всех людей.
Воробей летит из револьвера
и держит в клюве кончики идей.
Все прямо с ума сошли .
Мир потух. Мир потух.
Мир зарезан. Он потух.
Однако много пользы приобрели.
Миру конечно еще не наступил конец
еще не облетел его венец.
Но он действительно потускнел.
Фомин лежащий посинел
и двухкопной рукой
молится начал. Быть может только Бог.
Легко пространство вдалеке.
Полет орла струился над рекой.
Держал орел икону в кулаке.
На ней был Бог.
Возможно что земля пуста от сна,
худа, тесна,
возможно мы виновники, нам страшно.
И ты орел аэроплан
сверкнешь стрелой в океан
или контящей свечкой
рухнешь в речку.
Горит бессмыслицы звезда,
она одна без дна.
Вбегают мертвый господин
и молча удаляет время.

+ + +

Мне жалко что я не зверь
 бегающий по синей-дорожке
 говорящий себе поверь
 а другому подожди немножко.
 Мы пойдем с тобой погулять в лес
 для рассмотрения ничтожных листьев.
 Мне жалко что я не звезда
 бегающая по небосводу
 в поисках точного гнезда
 она находит себя и пустую земную воду.
 Никто не слышал чтобы звезда-издавала скрип
 ее назначение ободрять собственным молчанием рыб.
 Еще есть у меня претензия
 что я не ковер не гортензия.
 Мне жалко что я не крыша
 распадающаяся постепенно
 которую дождь размачивает
 у которой смерть не мгновенна.
 Мне не нравится что я смертен
 мне жалко что я неточен
 многим многим лучше поверьте
 частица дня единица ночи.
 Мне жалко что я не орел
 перелетающий вершины и вершины
 которому на ум взбрал
 человек наблюдающий аршины.
 Мы сидим с тобой ветер
 на этот камушек смерти.
 Мне жалко что я не чама
 мне не нравится что я не жалость
 мне жалко что я не роца
 которая листьями вооружается.
 Мне трудно что я с минутами
 меня они страшно запутали.

Мне невероятно обидно —
что меня по-настоящему видны.
Еще есть у меня претензия
что я не ковер не гортензия.
Мне страшно что я двигаюсь
непохоже на червяка
червяк прорывает в земле норы
заводя с землей разговоры.
Земля где твои дела —
говорит ей холодный червяк
а земля распорядясь покойниками
может быть в ответ молчит
она знает что все не так.
Мне трудно что я с минутами
они меня страшно запутали.
Мне страшно что я не трава трава
мне страшно что я не свеча.
Мне страшно что я не свеча трава
на это я отвечал.
И мигом качаются деревья.
Мне страшно что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не замечаю что они различны
что каждая живет одинажды
мне страшно что я при взгляде
не вижу что они усердно
старались быть похожими.
Я вижу искаженный мир
я слышу шепот заглушенных лир.
И тут за кончик буквы взял
я поднимаю слово шкаф
теперь я ставлю шкаф на место
от вещества крутое тесто.
Мне не нравится что я смертен
мне не нравится что я неточен
многим многим лучше поверьте
частица дня единица ночи.
Еще есть у меня претензия
что я не ковер не гортензия.
Мы выйдем с тобой погулять в лес

для рассмотрения никтожных листьев.
Мне жалко что на этих листьях
я не увижу незаметных слов
называющихся случай называющихся бессмертие
называющихся вид основ.
Мне жалко что я не орел
пролетающий вершины и вершины
которому на ум взбрел
человек наблюдающий аршины.
Мне страшно что все приходит в ветхость
и я по сравнению с этим передюсть.
Мы сядем с тобой ветер
на этот камушек смерти.
Кругом как свеча возрастает трава
и мигом качаются деревья.
Мне жалко что я не семя
мне страшно что я не тучность.
Червяк ползет за всеми
он несет однозвучность.
Мне страшно что я неизвестность
мне жалко что я не огонь.

+ + +

Г Д Е

Где он стоял опершись на статую. С лицом переполненным думами. Он стоял. Он сам обращался в статую. Он крови не имел. Зрите он вот что сказал:

Прощайте темные деревья
прощайте черные леса
небесных звезд круговращенье
и птиц беспечных голоса.

Он должно быть вздумал куда-нибудь когда-нибудь уезжать.

прощайте скалы полевые
я вас часами наблюдал
прощайте бабочки живые
я с вами вместе голодал
прощайте камни прощайте тучи
я вас любил и я вас мучил

Он с тоской и запоздалым раскаянием начал рассматривать концы трав.

прощайте славные концы
прощай цветок прощай вода
бегут почтовые гонцы
бежит судьба бежит беда
я в поле пленником ходил
я обнимал в лесу тропу
я рыбу по утрам будил
дубов распугивал толпу
дубов гробовый видел дом
и песню вел вокруг ст трудом.

Он изображает и вспоминает как он бывало или небывало выходил на реку.

И приходил к тебе река
прощай река дрожит рука
ты вся блестела вся текла
и я стоял перед тобой
в кафтан одетый из стекла
и слушал твой речной прибой
как сладко было мне входить

в тебя и снова выходить
как сладко было мне входить
в себя и снова выходить
где как чими дубы шумели
дубы безумные умели
дубы шуметь лишь еле -еле.

Но здесь он прикидывает в уме, что было бы если
бы он увидел у моря.

Море прощай прощай песок
о горный край как ты высок
пусть волны бьют пусть брызжет пена
на камне я сижу все с дудкой
а море шлепет постепенно
и все на море далеко
и всё от моря далеко
бежит забота скучной шуткой
расстаться с морем нелегко
море прощай прощай рай
о как ты высок горный край.

О последнем что есть в природе он тоже вспомнил.
Он вспомнил о пустыне.

прощайте и вы
пустыни и львы.

И так попрощавшись со всеми он аккуратно сложил
оружие и вынув из кармана висок выстрелил себе в го-
лову.

И тут состоялась часть вторая - прощание всех
с одним.

Деревья как крыльями взмахнули своими руками.
Они обдумали, что могли, и ответили:

ты нас посещал. зрите
он умер и все умрите
он нас принимал за минуты
потертый помятый погнутый
скитающийся без ума
как ледяная зима.

Что же он сообщает теперь деревьям? Ничего. Он
целенеет.

Скалы или камни не сдвинулись с места. Они мол-

чанием и умолчанием и отсутствием звука впустили
и нам и вам и ему:

спя. прощай. пришел конец
за тобой пришел гонец
он пришел последний час
Господи помилуй нас
Господи помилуй нас
Господи помилуй нас.

Что же он возражает теперь камням? Ничего. Он
леденеет. камни

Рыбы и дубы подарили ему виноградную кисть и не-
большое количество последней радости.

дубы сказали: мы растем
рыбы сказали: мы плывем
дубы спросили: который час
рыбы сказали: помилуй и нас.

Что же скажет рыбам и дубам? Он не сумеет ска-
зать спасибо. Река властно бежавшая по земле. Ре-
ка властно текущая. Река властно несущая свои
волны. Река как царь. Она прощалась так, что.
Вот так. А он лежал как тетрадь на самом ее
берегу.

прощай тетрадь
неприятно и нелегко умирать
прощай мир. прощай рай
ты очень далек человеческий край.

Что сделает он реке? Ничего. Он каменеет. И мо-
ре ослабевшее от своих долгих бурь с сожалением
созерцало смерть. Имело ли это море слабый вид
орла? Нет, оно его не имело.

Взглянет ли он на море? Нет он не может. Но -
чу! вдруг затрубили где-то- не то дикари не то
нет. Он взглянул на людей.

К О Г Д А

Когда они приотворил свои распухшие свои
глаза, он глаза свои приоткрыл. Он припомнил все

как есть наизусть. Я позабыл попрашаться с прочим, т.е. он забыл попрашаться с прочим. Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Все эти шестерки, пятерки. Вся ту-суету. Вся рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, который жил до него. Тут тень всеобщего отвращения лежала на всем. Тут тень лежала на всем. Он ничего не понял, но он воздержался. И дикари а может и не дикари си плачем похожим на шелест дубов, на жужжание пчел, на плеск волн, на молчанье камней и на вид пустыни, держа тарелки над головами, вышли и неторопливо спустились с вершин на немногочисленную землю. Ах Пушкин, Пушкин.

000